

Как нами играли

Знакомство с методологами: душевная боль и вопросы без ответов

Методолог проводит занятия с молодыми руководителями центра научно-технического творчества молодежи, 1988 год. Фото: Анатолий Семехин / Фотохроника ТАСС

15:45, 18 июля 2026,

Татьяна Литвинова

Что ни толкуй Вольтер или Декарт,

Мир для меня — колода карт,

Жизнь — банк: рок мечет, я играю

И правила игры я к людям применяю.

М.Ю. Лермонтов «Маскарад»

Сейчас стали много говорить о методологах. При этом они остаются не менее загадочными, чем были, когда о них мало кто знал. Тогда — в 80-е — люди попадали на их мероприятия и бывали очарованы. Я знала о них. Моя семья жила в Пятигорске, отец был увлеченным методологом, восхищался Г.П. Щедровицким и ездил по разным городам на «игры». Впоследствии он сам вел методологический семинар в институте. А я была очень молодой. Иногда ходила на семинар, но не понимала ничего.

Среди методологов Щедровицкого называли Г.П., то есть Георгий Петрович. Г.П. тоже бывал в нашем городе, где тоже появились методологи. А я, по совету папы, один раз съездила на их ОДИ (организационно-деятельностную игру; так назывались эти мероприятия методологов). Игра длились несколько дней. Участники съезжались в город, поселялись в какой-нибудь гостинице, но там только ночевали, а дни с утра до вечера проводили, плотно занятые игрой. С перерывами: то все вместе, то в мини-группах. Сейчас, наверно, подобными интенсивами мало кого удивишь. Но это сейчас. А дело было еще в СССР.

В тот год ОДИ проходила в Горьком (который сейчас снова Нижний Новгород) на базе инженерно-строительного института. Мы туда отправились с папиной коллегой, которая была очень увлечена методологией. В аэропорту и в самолете папина коллега подробно объясняла мне, как мне повезло и как хорошо меня в детстве воспитывали. Я удивлялась: почему она думает, что все это знает. Она говорила, как повезло тем, кто вырос в интеллигентных семьях. Что будто бы я в детстве не читала всё подряд, потому что мне подбирали правильные книги. Да ладно. Я сама ходила в библиотеку и книги выбирала на свое усмотрение. Еще она говорила, что ее муж — не интеллигент, хоть и инженер с высшим образованием. А вот мой папа — интеллигент. И меня в детстве развивали. И Петю Щедровицкого тоже развивали. Так тогда называли Петра Щедровицкого, сына Г.П. Он тоже был очень молодым. Двадцать с чем-то. Про детство Пети она, конечно, и подавно не знала. Но разговор был, в общем-то, в тему. Мы ехали на мероприятие, которое было призвано нас целенаправленно развивать.

Георгий Петрович Щедровицкий. Источник: Википедия

В тот год ОДИ была посвящена игре. Игра про игру. Или игра в игру? Названия групп лично мне ничего не говорили, так что по названию выбрать не получалось. Оставалось «ткнуть пальцем». Запомнилось только одно из названий: «Экология игры». Ее я не выбрала; кажется, тогда еще и не знала, что такое «экология». Сейчас думаю, что экологией этих мероприятий действительно стоило озаботиться.

Так как в перерывах мы продолжали временами общаться с папиной коллегой, мне быстро стало понятно, что ее группа работает именно так, как и ожидалось. Они начали обсуждать тему, думать, с какой стороны к ней подступить. Я слышала, что на ОДИ группы так и работают: люди озвучивают свои мысли, спорят... И в конце концов в группах начинают возникать замечательные идеи.

Но наша группа сразу начала как-то по-другому. В перерыве папина коллега рассказала мне, как они выбирали руководителя группы. Спросила: «А вы?» — «А мы не выбирали». День, два. У нас происходило непонятно что, и на больших общих собраниях говорилось непонятно что. Сколько ни вникай.

Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, поддержали Вильгельма Завоевателя, и даже Стиганд, архиепископ Кентерберийский, нашел это благоразумным...

— Что он нашел? — спросил Робин Гусь.

— ...нашел «это», — отвечала Мышь. — Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Еще бы мне не знать, — отвечал Робин Гусь. — Когда я что-нибудь нахожу, это обычно бывает лягушка или червяк. Вопрос в том, что же нашел архиепископ?

Л. Кэрролл «Алиса в Стране Чудес»

Там звучало много умных слов, из которых я знала только одно — «рефлексия». Определенно я знала слишком мало, чтобы понимать, о чем речь. На общих собраниях, похожих на конференцию, делали доклады настоящие методологи, рисовали на доске огромные схемы. Кто-то выступает, рисует на доске схему. Потом кто-то другой выходит, чтобы с ним поспорить, что-то на доске пририсовывает. Первое время я пыталась вникнуть. Спешила срисовать в тетрадку, законспектировать...

Чувствовала себя как двоечник, который решил взяться за ум и начать учиться, но смотрит — и видит фигу. В перерыве компания молодых методологов (Петя Щедровицкий и еще два парня) шла мимо меня, срисовывающей с доски схему. Кто-то из них посмеялся: «Что это она рисует? Какая-то схема». Другой сказал: «Схема Буряка». Да, Буряк — это методолог, помню. Половина схемы Буряка, левая. Дорисовать правую половину не успела, всё стерли. А я и не поняла, что на ней.

— Хмеп начинается через неделю. В связи с этим будьте любезны пройти в комнату сто шестнадцать, там наше бюро резервов, которое вами займется. Потом прошу пройти в комнату шестьдесят семь, это фармацевтический пункт. Там вы получите пилюли эвфруглиум, которые нужно принимать каждые три часа, чтобы нейтрализовать вредное для вашего организма действие радиоактивности нашей планеты... Не желаете ли светиться во время пребывания на Интевропии?

— Благодарю вас, нет.

— Как вам будет угодно. Прошу, вот ваши бумаги. Вы млекопитающий, не правда ли?

— Да.

— В таком случае приятного млекопитания!

С. Лем «Звездные дневники Ийона Тихого»

В студенческом общежитии я поселилась с двумя девушками из

нашей группы. Говорю им, что в других выбирают руководителя, а мы никого не выбрали. У нас нет руководителя? Как же, говорят. Есть. Оля. Мы ее выбирали? Никто ее не выбирал. Как-то с самого начала само собой разумеется, что Оля. Как так? Всё сразу стало казаться каким-то ненастоящим.

Оля представилась как психолог из Москвы. И там была еще одна женщина по имени Инна (или Инга?), и она представилась психотерапевтом из какого-то регионального центра. Оле было на вид двадцать с чем-то, Инге — тридцать плюс. С самого начала я их воспринимала как людей, которые раньше были знакомы. Инга почти ничего не говорила. Но временами внимательно смотрела то на Олю, то на кого-то из нас. Сейчас я думаю, что она была Олиным наставником. Как я понимала тогда, кто такие психолог и психотерапевт? Психолог, конечно, — специалист по психологии. Я тогда училась в пединституте. Ну конечно, мы учили психологию. Это про четыре темперамента. Или про собак Павлова. О практических психологах я тогда не знала ничего, даже вообще об их существовании. Были ли они тогда в провинции? Едва ли. А психотерапевт — это кто? Ну, наверное, кто психов лечит.

Признаюсь, мне это было неприятно; я хоть и решил, что буду играть, но вовсе не располагал начинать для других. Это даже сбивало меня несколько с толку, и в игорные залы я вошел с предосадным чувством. Мне там, с первого взгляда, все не понравилось.

Ф.М. Достоевский «Игрок»

А тем временем тема осталась сама по себе (кажется, на двери

аудитории висел лист бумаги, а котором она была написана); мы ее не обсуждали. Зато вместо этого каждый стал рассказывать о себе. Я все напоминала, что мы ничего не говорим по теме А меня спросили, о чем тут говорить. Группа не откликалась; все рассказывали о себе.

Каждый день на большом собрании уделялось время, чтобы выступили по очереди руководители всех групп и отчитались, как у них идут дела. Оля выходила за кафедру, отчитывалась, говорила, какие вопросы мы обсуждали, к чему приходили. Все, как надо. Неужели никто другой не замечал, что это — обман?

На больших собраниях я по-прежнему ничего не могла разобрать, кроме того, что мне там не нравится. Г.П. был авторитарным, часто разговаривал с людьми грубо. Помню его слова: «А я им сказал: «Вы в своих собственных соплях с кровью запутаетесь!» Людям это, кажется, нравилось. Как-то раз Г.П. разгромил в пух и прах выступление методолога по фамилии Денисов. А после перерыва, когда Денисова в зале уже не было, Г.П. отметил абсолютно серьезно, что «он умница», а потом продолжил громить сделанный им доклад. Г.П. был очень умным и харизматичным; люди заслушивались.

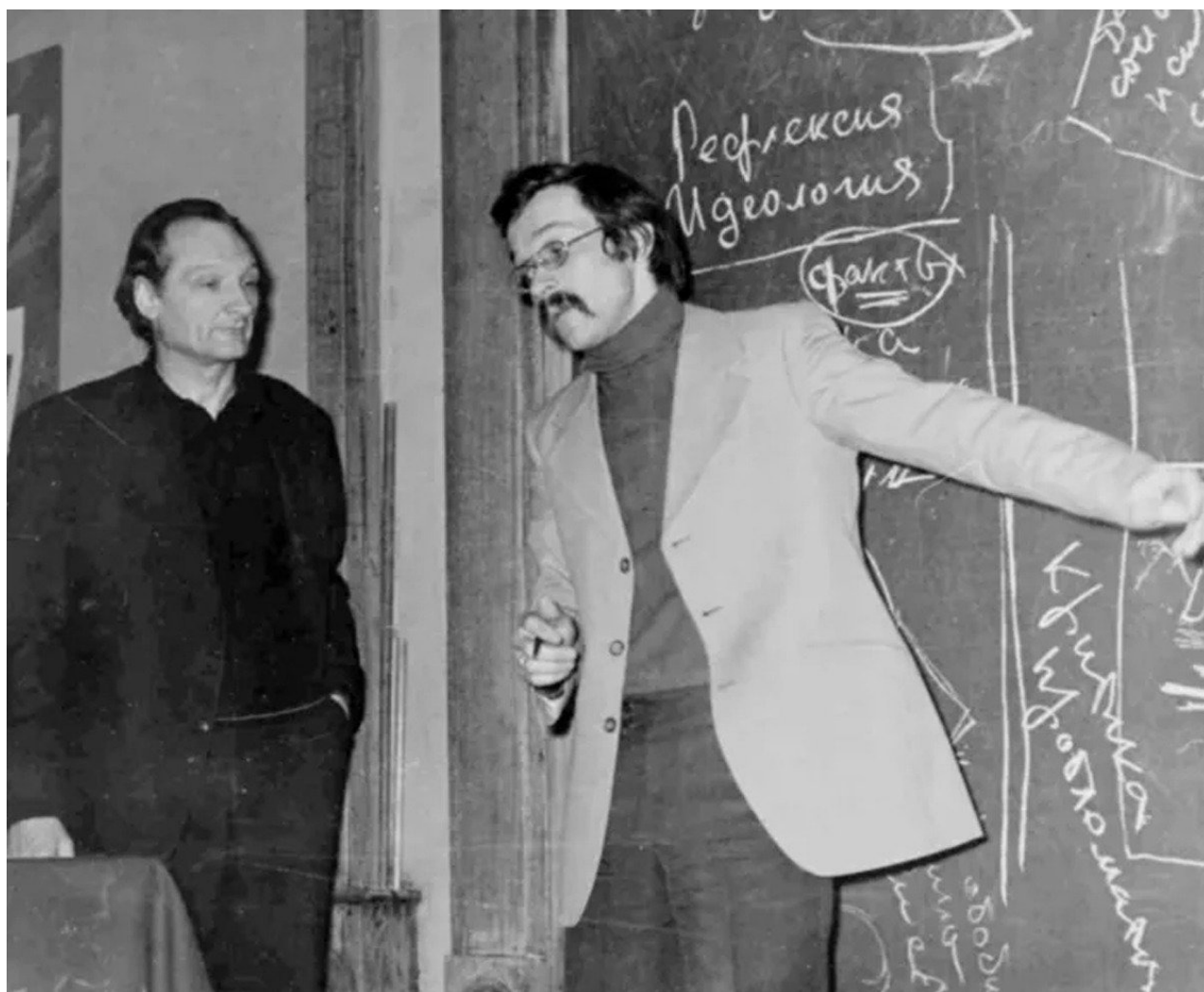
Всё это было нечто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мере со мной.

Ф.М. Достоевский «Игрок»

Я чувствовала себя всё хуже. А после перерыва одна из двух Лен, моих соседок по комнате, стала рассказывать историю из своей жизни о том, как она долго боролась с лейкемией. Впадала в отчаяние, опускались руки... Снова боролась. И выздоровела.

Она плакала, рассказывая: «А потом я снова поняла, что всё напрасно, и я всё равно умру». Мне было страшно (наверное, не только мне). Я думала, что у нас происходит. Зачем это здесь?

На предпоследней встрече я поспорила со всей группой. Или группа со мной... Всё про то же самое: чем мы занимаемся? Я много говорила, а группа дружно дала мне отпор.

ОДИ (организационно-деятельностная игра). Слева — Георгий Петрович Щедровицкий. Фото: tenchat.ru

С соседками по комнате у меня всё время были отличные отношения. Две Лены, давние подруги, пели свои любимые песни студенческих лет. Новеллу Матвееву («Любви моей ты боялся зря, / не так я страшно люблю...»), Висбора («Вставайте, граф, уже рассвет полощется...»). Вдвоем с одной из Лен мы проводили на поезд другую, ту, которая в группе рассказывала про свою болезнь и плакала. Она по-прежнему была в эйфории. Говорила, какое это чудо, как развивают игры методологов.

Помню, как она нам улыбалась из окна вагона.

Едва я сел, гламбус тронулся. Окруженный его кристаллической мякотью, над собой, под собой и вокруг я видел симпатично просвечивающие разноцветные силуэты пассажиров. Я полез в карман за томиком Бедекера: самое время было познакомиться с его советами. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что держу путеводитель по планете Интевропии, отдаленной от места, где я находился, на три миллиона световых лет! Нужный мне Бедекер остался дома. Проклятая рассеянность!

С. Лем «Звездные дневники Ийона Тихого»

Проводив ее, мы с другой соседкой в последний вечер погуляли по городу. До этого на прогулку времени не было, потому что игра шла каждый день с утра до вечера. В тот последний свой вечер в Горьком мы с ней обошли вокруг Нижегородского кремля. По высокому склону, по сутробам, при свете фонарей. Мы с этой Леной обменялись адресами и потом долго переписывались. Старые добрые бумажные письма в конвертах...

Так что поездка вроде закончилась хорошо, но я еще долго не могла успокоиться.

... живу под влиянием только что минувших ощущений,

под влиянием свежих воспоминаний, под влиянием всего этого недавнего вихря, захватившего меня тогда в этот круговорот и опять куда-то выбросившего. Мне всё кажется порой, что я всё еще кружусь в том же вихре и что вот-вот опять промчится эта буря, захватит меня мимоходом своим крылом, и я выскочу опять из порядка и чувства меры и закружусь, закружусь, закружусь...

Ф.М. Достоевский «Игрок»

Прошли годы, игра в Горьком забылась, как страшный сон. Но вдруг вспомнилась в конце девяностых, когда я сама обратилась к психологу. Вот хожу я к ней, и что-то мне наши разговоры напоминают... Ну конечно, то, как с нами разговаривала Оля! Конечно, нас обманули. Подменили методологию рядом сессий групповой психотерапии. Зачем?

Конечно, настоящей психотерапией это не было. Прежде всего, психотерапия проводится по запросу. Если человек сам обратился за помощью, с ним обсудили, над чем будут работать. Одно из ключевых правил профессиональной этики психолога и психотерапевта — информированное согласие. То есть клиент должен знать, как будет проходить работа, и быть на это согласен. Нельзя начинать воздействовать на человека методами психотерапии, если человек не предупрежден. Групповые психотерапевты не обсуждают происходящее в группе с клиентами по отдельности, с одними в отсутствие других. И так далее.

В общем, если назвать это психотерапией, то с кучей нарушений. Знали ли эти правила психологи и психотерапевты в СССР в восьмидесятые, еще даже до перестройки? А люди в

большинстве ничего не знали о том, как они работают. Неудивительно, что участники группы, включая меня, сталкивались с техниками психотерапии и ничего не понимали. Как ни странно, я не возненавидела на всю жизнь ни психологов, ни психотерапевтов, и даже на рубеже веков сама поступила на заочное отделение и стала учиться на психолога. Психология и психотерапия — полезные вещи, если используются этично. И экологично. Вспомнилась «экология игры», название группы, которую я не выбрала.

Кстати, Г.П. один раз был в гостях у моей семьи. И это было до моей поездки на ОДИ; кажется, я еще была школьницей. Они с папой сидели и разговаривали. Не помню, как оказалась рядом и даже немножко приняла участие в беседе. Мне было интересно: они оба такие умные. И говорили об интеллекте. Мне захотелось тоже что-то сказать по теме. И говорю: мол, я начала людей делить на умных и глупых лет в тринадцать. Г.П. улыбнулся и ласково спросил: «А когда перестала?» Я не нашла, что ответить, а Г.П. заключил: «Значит, ты еще не выросла». Кстати, мне очень понравились его слова. Потом заметила, что людям часто нравится, когда он говорит им что-то нелестное, и это заставляет их задуматься. Впрочем, папа потом посмеялся и сказал мне: «Сам-то он еще как делит людей на умных и глупых».

Конечно, это так и было. Но он был игроком.

Я долго думала, что Оля и Инга (Инна) просто сговорились и захватили в группе власть и влияние перед носом у ничего не подозревавших методологов. Зачем? Ну, мало ли... Может, просто, чтобы психолог Оля могла попрактиковаться в групповой психотерапии.

ОДИ (организационно-деятельностная игра). Фото: voloshin.md

Еще мне тогда объяснил, почему на этих играх можно выбрать не любую тему. Там бывает костяк: группы для избранных, в которых действительно идет работа, потому что в них находятся знающие люди. А во всех остальных группах настоящей работы нет. Хотя с ними могут поэкспериментировать.

Как давно это было! Папина библиотека сейчас у меня, в том числе книги Г.П. Щедровицкого. Избавиться от них рука не поднимается, потому что они были дороги папе, а читать не хочется. Может, когда-нибудь решусь и тогда больше пойму про эти игры? А может, уже можно остановиться и не ломать голову?

— Вам не испугать меня! — воскликнула Алиса, которая к этому времени стала такого роста, какого была всегда. — Ведь вы всего лишь колода карт! Колода карт

— ничего больше!

И тут вся колода поднялась в воздух и набросилась на Алису. Она вскрикнула не то от страха, не то от обиды, принялась отбиваться и... проснулась!

Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Кстати, когда взялась писать эту статью и вспоминать игру в Горьком, нашла в интернете списки щедровитян тех лет. Вот методологи восьмидесятых. В нем нет ни одной Ольги. Или Инны, или Инги.

Тот единственный опыт участия в ОДИ оставил меня с вопросами, на одни из которых у меня в голове со временем обозначились ответы, на другие — пока нет. Конечно, игры методологов, приводя людей в смятение, выбивая их из колеи, заставляли думать как-то по-новому. Для людей из позднесоветской интеллигенции это был одновременно болезненный опыт и глоток свежего воздуха.

Наша тогдашняя интеллектуальная реальность, организованная вокруг марксизма-ленинизма, мало-мальски думающим людям давно опостылела. А тут открывается дверь во что-то новое.

Ноходишь туда не просто так, а через тяжкие испытания. Настоящая инициация.

Неудивительно, что люди, постоянно посещавшие мероприятия методологов, так

ВЫСОКО ИХ ЦЕНИЛИ.

Потому что чувствовали себя избранными, посвященными в особое знание.

Вернувшись домой после участия в ОДИ, я удивилась, что никому не могу объяснить, что это было. Никто не знал, кто такие методологи. То, что методология — это непонятно что, создавало ореол таинственности. Когда те, кто участвовал, начинали рассказывать о собственном опыте, для слушателей это было по-прежнему непонятно что. Если слушатель был заинтригован, пытался узнать, что такое игры методологов, возможно, пробовал сам принять участие. И многие были очарованы. Я же почувствовала боль, но остановилась, отказалась от инициации. И в знание не посвящена. А боль запомнилась.

Описываю, будто что-то мистическое. Хотя при этом методологи, бывало, эффективно занимались решением вполне практических задач. Например, провели конкурс на замещение должности руководителя завода РАФ в Риге.

От мероприятий методологов (одной ОДИ и пары-тройки семинаров в своем городе) у меня осталось сложное впечатление: с одной стороны — свободные обсуждения, с другой стороны — люди должны были догадаться, какое умозаключение, предположение правильное. Тогда его одобряют. Участникам предлагалось играть, при этом те, кто организовывал процесс, играли сами.

Сам по себе этот процесс был игрой, и в ней играли нами.